

Бродский как еврей

Бродский родился и рос в тот период советской истории, когда антисемитизм стал почти официальной политикой правительства и одновременно оживился и распространился среди городского населения. В особенности недоверие, притеснения по службе почувствовали евреи вроде отца Бродского – офицеры, инженеры, управленцы среднего

66 Сергеев 1997. С. 436.

уровня, преподаватели вузов, журналисты⁶⁷. Знание о том, что он принадлежит к числу тех, чьи возможности в жизни заметно ограничены по сравнению с окружающим большинством, было впитано Иосифом с молоком матери и с ранних лет подкреплялось бытовым антисемитизмом, распространенным среди его сверстников. «В школе быть „евреем“ означало постоянную готовность защищаться. Меня называли „жидом“. Я лез с кулаками. Я довольно болезненно реагировал на подобные шутки, воспринимая их как личное оскорбление. Они меня задевали, потому что я – еврей. Теперь я не нахожу в этом ничего оскорбительного, но понимание этого пришло позже»⁶⁸. Однако из всей суммы автобиографических высказываний Бродского в стихах, прозе и в ответах интервьюерам выясняется, что во взрослой жизни он сравнительно мало страдал от антисемитизма. Отчасти это объясняется тем, что, уйдя из школы в пятнадцать лет, Бродский никогда не стремился к карьере, в которой он мог бы наткнуться на обычные рогатки – ограничения для евреев при поступлении в высшие учебные заведения и в продвижении по службе. В еще большей степени это объясняется рано выработанным чувством личной независимости: он уже в юности взял для себя за правило не унижаться до конфликта с государственным режимом и социальным строем, скрепленными примитивной идеологией, в которой антисемитизм был лишь одной из многих составляющих. Официальная советская идеология теоретически определяла национальность (точнее, этничность) в рамках либеральной традиции – общностью языка, культуры, территории, – правда, опуская такой важный фактор, как самоидентификация. Однако реальная национальная политика правительства, равно как и предрассудки значительной части населения, имела основой древний миф «крови и почвы». Отсюда – жестокая сталинская политика частично кровавого истребления, частично выкорчевывания, лишения родной «почвы» целых народов – чеченцев, ингушей, крымских татар и т. д. Отсюда же, казалось бы, неожиданная в устах наследников коммунистического интернационала риторика «борьбы с космополитизмом» в период гонений на евреев в 1948–1953 годах.

В языковом и культурном отношении Бродский был русским, а что касается самоидентификации, то в зрелые годы он свел ее к лапидарной формуле, которую неоднократно использовал: «Я – еврей, русский поэт и американский гражданин»⁶⁹. По складу характера он был крайним индивидуалистом, по этическим убеждениям персоналистом, его отталкивали любые ассоциации по расовому или этническому принципу. Бродский рассказывал мне, как в один из дней после ареста зимой 1964 года его вызвал на допрос следователь Ш., еврей по национальности. То ли в роли «добротного мента», то ли по собственному почину он стал уговаривать «тунеядца» покаяться, пообещать исправиться и т. п. «Подумайте о своих родителях, – сказал Ш., – ведь *наши* родители – это не то, что *их* родители». Бродский вспоминал об этом эпизоде с отвращением. Сионизм его не интересовал, и он индифферентно относился к Израилю как государству. Хотя формально, как и все евреи, покидавшие Советский Союз в семидесятые годы, он эмигрировал в

67 См. статистические и другие сведения в кн.: *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. М.: Международные отношения, 2001. Гл. 5; и в кн.: *Солженицын А. И.* Двести лет вместе. Ч. П. М.: Русский путь, 2002. С. 404-405.

68 *Интервью 2000.* С. 123.

69 Язык и культура – весьма общие категории, что делает понятие «национальность» малоинформативным в том, что касается отдельного представителя национальности. Как и самоидентификация, уточненная Бродским, язык и культура, формировавшие его личность, могут быть точнее описаны как язык и культура русской интеллигенции двадцатого века. Можно было бы еще добавить: «ленинградской». С другой стороны, язык и культура не являются тотальными детерминантами, и параметры личности не устанавливаются раз и навсегда. Так, «языковая личность» Бродского менялась в связи с приобретаемым жизненным опытом: активным общением с неинтеллигентными слоями русского общества, жизнью в северной деревне, интенсивным изучением польского и английского языков и, наконец, собственным языкотворчеством, сознательными поисками еще неосуществленных возможностей родного языка.

Израиль, фактически он даже не рассматривал поселение в Израиле как возможный для себя вариант. Бродский высоко ценил культуру нации, к которой он присоединился – правосознание американцев, американскую литературу, музыку, кино, – но в не меньшей степени комфортабельно он чувствовал себя в Англии, в странах Северной Европы и в Италии, где подолгу жил и работал, где у него были многочисленные дружеские, а под конец жизни и семейные связи. Иными словами, в культурном отношении Бродский был прямым наследником космополитической, ориентированной на Запад русской интеллигенции. Собственно еврейский элемент в культурном кругозоре Бродского присутствовал настолько, насколько он входит в западную цивилизацию, то есть как усвоенный христианским Западом Ветхий Завет. Характерно, что в пространной религиозно-философской медитации, поэме «Исаак и Авраам» (1964), хотя и содержатся иносказательные намеки на трагическую судьбу еврейского народа в диаспоре и Холокост, но основной сюжет, жертвоприношение Авраама, очевидно трактуется сквозь призму интерпретаций этого библейского эпизода в трудах христианского экзистенциалиста Кьеркегора и отошедшего от иудаизма русского философа Льва Шестова.

Шимон Маркиш, многолетний товарищ Бродского и литературовед, занимавшийся проблемой еврейской идентичности внутри русской культуры, о своем друге писал: «Смею полагать, что в этой уникальной поэтической личности еврейской грани не было вовсе. Еврейской темы, еврейского „материала“ поэт Иосиф Бродский не знает – этот „материал“ ему чужой»⁷⁰.

В отличие от таких его предшественников в русской поэзии, как Осип Мандельштам и Борис Пастернак, ассимилированных евреев в первом или втором поколении, у Бродского уже прадед после многолетней службы в царской армии получил право жить вне черты оседлости, завел свое дело, часовую мастерскую в Москве, и, по существу, отдалился от еврейской среды⁷¹. Отец Бродского получил в детстве лишь минимальное еврейское религиозное образование. Почти вся жизнь родителей поэта, кроме ранних детских лет, пришлась на советское время. В этот период сотни тысяч советских евреев погибли от рук нацистов, а религиозно-общинная жизнь была разгромлена еще раньше в ходе советской антирелигиозной кампании. Если некоторые провинциальные еврейские семьи в какой-то степени пытались сохранить традиционный образ жизни, то в Москве и Ленинграде быт подавляющего большинства граждан еврейского происхождения ничем не отличался от быта их нееврейских сограждан внутри той же социальной группы. Ни иудаизм, ни еврейский фольклор, ни повседневный уклад еврейской жизни с детства Бродскому не были знакомы. Он не знал древнееврейского и лишь изредка мог слышать в разговорах родственников отдельные идишизмы, запас которых остроумно использовал в стихотворении «Два часа в резервуаре» (1965) как пародийный «немецкий» язык.

За исключением «Исаака и Авраама», поэмы, лишь отчасти связанной с еврейской проблематикой, во всем обширном поэтическом наследии Бродского есть всего два стихотворения на еврейские темы. Первое, «Еврейское кладбище около Ленинграда...» (1958), написано юным Бродским как явное подражание популярному в самиздате стихотворению поэта старшего поколения Бориса Слуцкого «Про евреев» («Евреи хлеба не сеют...»). Сам Бродский никогда не включал «Еврейское кладбище...» в свои сборники.

70 *Труды и дни*. С. 59. См. также *Бондаренко 2003*; критик русского националистического (но не шовинистического) направления приводит весьма убедительную подборку фактов, доказывающих индифферентное отношение Бродского к «еврейскому вопросу». А. И. Солженицын даже упрекает его за это (*Солженицын 1999*. С. 191).

71 Это то, что рассказывал мне отец поэта, А. И. Бродский, в 1972–1975 гг. Бродский, видимо, совместил обстоятельства жизни прадеда и деда, когда говорил: «Дед мой был из кантонистов, он отслужил двадцать пять лет в армии, и у него была своя маленькая типография» (*Интервью*. С. 412). Институт кантонистов был окончательно упразднен в России еще в 1858 г. Если бы кантонистом в детстве был дед Бродского, то к моменту рождения отца поэта (1903) ему должно было быть, по крайней мере, лет шестьдесят.

Второе, «Леиклос» (название улицы в бывшем еврейском гетто в Вильнюсе), входит в цикл «Литовский дивертисмент» (1971) и представляет собой фантазию на тему альтернативной судьбы: Бродский в нем как бы подставляет себя на место некоего виленского предка.

Здесь надо упомянуть еще и ностальгическую симпатию Бродского к ушедшему миру центральноевропейской культуры. Она проявлялась в его любви к польскому языку и польской поэзии, к романам из австро-венгерской жизни Роберта Музиля и Йозефа Рота, даже к голливудской сентиментальной мелодраме «Майерлинг» о двойном самоубийстве эрцгерцога Рудольфа и его возлюбленной – баронессы Марии Вечера. Южным форпостом этой исчезнувшей цивилизации был, «в глубине Адриатики дикой», Триест, одно время резиденция другого австрийского эрцгерцога – Максимилиана, которому Бродский посвятил два стихотворения «Мексиканского дивертисмента». Северо-восточным – описанный Йозефом Ротом в «Марше Радецкого» галицийский городок Броды на границе Австро-Венгерской и Российской империй. Мотив этой прародины лишь подспудно звучит в нескольких стихотворениях Бродского («Холмы», «Эклога 5-я (летняя)», «На независимость Украины»), и лишь однажды он сказал об этом вслух, в интервью польскому журналисту: «[Польша —] это страна, к которой – хотя, может быть, глупо так говорить – я испытываю чувства, может быть, даже более сильные, чем к России. Это может быть связано... не знаю, очевидно что-то подсознательное, ведь, в конце концов, мои предки, они все оттуда – это ведь Броды – отсюда фамилия...»⁷² Из этого сбивчивого высказывания становится ясно, что он ощущал этимологию своего имени: «Иосиф из Брод».

Осознание себя евреем было у Бродского связано не с внешним давлением, а, как политически некорректно это ни звучит, с антропологическими признаками. В одном из самых откровенных рассуждений на эту тему, интервью, данном старому другу, известному польскому журналисту Адаму Михнику, всего за год до смерти, Бродский говорит: «В вопросе антисемитизма следует быть очень осторожным. Антисемитизм – это, по сути, одна из форм расизма. А ведь все мы в какой-то степени расисты. Какие-то лица нам не нравятся. Какой-то тип красоты». Далее на вопрос «Тебя воспитывали как еврея или как русского?» он не отвечает, а вместо этого говорит об идентификации по физическому (антропологическому) признаку: «Когда меня спрашивали про мою национальность, я, разумеется, отвечал, что я еврей. Но это случалось крайне редко. Меня и спрашивать не надо, я "р" не выговариваю»⁷³. Разделяя распространенное мнение о том, что в силу наследственных особенностей многие русскоговорящие евреи произносят увулярное «р» вместо русского палатального «р», равно как и то, что многие из них обладают орлиным профилем, Бродский как носитель этих признаков ощущает себя евреем (правда, в силу общей «снижающей» тенденции в его метафорике он превращает «орлиные» черты в «вороньи»: например, в стихотворении «Послесловие к басне»). Однако, вопреки всем мыслимым ортодоксиям, он заявляет, что его еврейство включает в себя и нечто более существенное. С редкой даже для него прямоотой он говорит об этом в том же интервью: «Я еврей. Стопроцентный. Нельзя быть больше евреем, чем я. Папа, мама – ни малейших сомнений. Без всякой примеси. Но я думаю, не только потому я еврей. Я знаю, что в моих взглядах присутствует некий абсолютизм. Что до религии, то если бы я для себя сформулировал понятие Наивысшего существа, то сказал бы, что Бог – это насилие. А именно таков Бог Ветхого Завета. Я это чувствую довольно сильно. Именно чувствую, без всяких тому доказательств»⁷⁴.

72 *Интервью 2000*. С. 328. Бывал ли Бродский в Бродах? Я никогда не слышал от него о поездках на Украину и полагал, что он видел ее только из окна поезда по дороге в Крым или Одессу. Однако в недатированной открытке родителям из Милана (хранится в музее Ахматовой в Петербурге) Бродский, сообщая, что зашел взглянуть на «Тайную вечерю» Леонардо, добавляет: «Помню, видел я впервые изображение этого „Делового ужина“ в Млинах, в саду с чудными желтыми сливами». «Млин» – «мельница», нередкий топоним на Украине. Есть населенный пункт с таким названием и неподалеку от Брод.

73 Там же. С. 656.

74 Там же. С. 655-656.